

Jane Doe

THE &
part 1

Jane Doe

The &. Part 1

«Издательские решения»

Doe J.

The &. Part 1 / J. Doe — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837943-7

Девушка, начинающий маг, с первого прикосновения влюбляется в циничного бизнесмена, далекого от мира волшебства, завоевывает его чувства, открывает перед ним новые грани восприятия.

ISBN 978-5-44-837943-7

© Doe J.

© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

20

The & Part 1

Jane Doe

«Все, что видим мы, – видимость только одна. Далеко от поверхности мира до дна.

Полагай несущественным явное в мире, ибо тайная сущность вещей- не видна».

Омар Хайям

© Jane Doe, 2017

ISBN 978-5-4483-7943-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1.

Теплый свет разливался по залу со множеством округлых столов, за которыми сидели роскошные люди в дорогих одеждах. Их взгляды были обращены на небольшую сцену, где только что замерло действие. Легкий ветерок волшебства звенел тысячами отблесков далеких звезд, витая вокруг. Мир замер в вакуумном беззвучии и все собравшиеся чувствовали невероятную общность, сплотившую столь малознакомых людей единого круга.

Каждый из них был подвержен своим мыслям, эмоциям, суждениям и жизненным взглядам. Сейчас все это исчезло, стерлось, и ощущение невероятной ясности тянуло их силуэты вверх- они и не заметили, как расправились спины и морщины мыслей стерлись с думных лиц. Все они боялись потревожить эти мгновения чистоты. Но сцена затаила дыхание, яркий свет софитов постепенно блек, уступая томному освещению зала, где родители смотрели на своих детей- новое поколение будущих выпускников Университета Майами.

Настала пора расплачиваться за увиденное, кошельки распаивались, ручки нежно царапали бумагу, в благоговейном порыве полной тишины вырисовывая нули, будто это могло продлить счастливые мгновенья чистоты. Сейчас для каждого из присутствующих цифры были лишь корявыми завитками на клочках тонкой белой материи.

А в темноте, за сценой, на старом табурете из уже забытых декораций сидела немая женская тень, окутывая сигаретным дымом серое пространство вокруг.

Но пора была прощаться. Участники вышли на сцену в последнем поклоне. Раздались первые хлопки и, отразившись эхом от эпицентров, накрыли гулом все данное им пространство. Благотворительный вечер был окончен.

Через минуту зажегся последний яркий свет, давая глазам привычные образы действительности, возвращая разум в обычное состояние сознания- со всеми его мыслями, проблемами, привычками.

Через две минуты от той общности осталась лишь легкая грусть в глазах. Медленно, нехотя люди друг за другом шли к выходу. Момент истины утрачен, осталось лишь воспоминание, но скоро и оно померкнет. А за дверьми- вечная погоня за мнимым счастьем. Но это потом, а пока есть время насладиться чистотой, хоть и ускользающей свободы.

Вот уже тела облегченно вздыхают, отвоеывая свою позицию у духа. Спустя полчаса все будет кончено. Остается только ждать. И даже ощущение от ощущения увиденного станет как туман. Иначе будет горько жить, в ожидании еще одного такого момента.

Кто-то сдается быстрее, и мысли начинают складываться в слова, пока еще тихие, в дань уважения более сильным душам идущих рядом. Пары выплывают из распахнутых дверей. И каждому первый глоток свежего воздуха кажется первым за всю их жизнь. Открываются глаза и головы поднимаются к звездному небу, как никогда чистому и понятному. Сквозь небо они видят космос.

Тихие шаги, шуршанье песчинок, платьев, легкий шепот и пряный шелест листвы возвращают гостей по аллее к их жизням. Особо чувствительные в минуты раздумий и смятенья будут возвращаться сюда, чтобы вспомнить. Но скорее всего их ждет разочарование. Ведь они будут одни.

Вместе с остальными из здания выходят двое мужчин. Один- высокий, поджарый, слегка небритый, в мятом, небрежно дорогом костюме черного льна. Руки в карманах брюк. Другой- чуть ниже ростом и моложе возрастом, не до конца сложившийся приятный парень с блаженной улыбкой на лице. Он явно не привык носить строгую одежду, но от этого она идет ему не меньше. На шее, вместо галстука, болтается пожелтевший львиный клык на кожаном ремешке.

Вдоволь вдохнув свежего ветра и налюбовавшись искрящимся небом, парень наконец повернулся к своему спутнику:

– Ну как тебе?

Тот хмыкнул, вынул из внутреннего кармана пиджака пачку сигарет, достал одну, поджег, медленно затянулся.

– Неплохо, для первокурсников. Долго готовились?

– Все те вечера, что я пропадал последний месяц. Или ты не заметил? – ответил парень ухмыльнувшись. Его явно веселило привычное безразличие курящего.

– Ммм,.. а я-то думал, ты девушку себе завел.– Ник хитро прищурился.– Или все же завел? Раньше я не замечал у тебя большой любви к искусству.

Грэг промолчал, лишь звучно фыркнув. Ему хотелось сказать, что отец заметил бы его «любовь к искусству», только если бы он разрисовал его любимый кабриолет баллончиком с краской, или станцевал на каком-нибудь собрании акционеров в набедренной повязке из пальмовых листьев.

Они замедлили шаг, подходя к тонированному джипу. Дверцу открыл водитель, но сигарета во рту Ника еще не дотлела, и они остановились возле машины, пропуская плавно расходящихся людей. Парень повернулся к аллее. Среди многочисленных теней проплывали три девушки. Но видел он только одну. В полумраке ночного свечения ее каштановые волосы нежно развевались на ветру. Простой, неиспорченно-чистый образ настолько выбивался из окружения, что не было никакой возможности отвести взгляд. Да и зачем?

– О, это Энн! – Грэг сделал пару быстрых шагов в ее направлении, слегка задев нарядную домохозяйку, проходившую мимо с седеющим мужем- банкиром.

– Энн, оу, простите, – лавировал он между идущими, – Энн, привет, поздравляю, все прошло идеально! Пойдем, познакомлю тебя с отцом.

Энн посмотрела в сторону машины. Ник отстраненно следил за неуклюжей траекторией своего сына и тут их с девушкой взгляды пересеклись, блеснув в полумраке.

– Ну пойдем, – вдруг согласилась та, знаком пообещала подругам вскоре догнать их и они с Грэгом вернулась к джипу.

– Эээ... па, это Энн Logan, за организацию сегодняшнего вечера нужно благодарить ее. Энн, это Ник Хант, мой отец...

– Очень приятно.– Ник учтиво кивнул, взял ее руку в свою, и коротко поцеловал. Быстрые, отлаженные движения, отточенные, закаленные черты лица, изумительная осанка

и некоторая отстраненность взгляда. Энн показалось, что она наконец поняла смысл слова «благородство». По телу пробежали мурашки.

Она смотрела на мужчину мягко, но ее огромные серо-зеленые глаза плавно втекали в саму его суть, обволакивая изнутри, где каждая клеточка тела с удовольствием рассказывала свою историю.

– Поздравляю, превосходный вечер, – в улыбке прищурился мужчина. Водянистые голубые глаза, уверенный, низкий тембр с бронзовым отливом, легкий австралийский акцент и улыбка сильного человека, не умеющего заискивать. – А твои организаторские способности обошлись мне сегодня в приличную сумму. Продолжай в том же духе, и летом возьму тебя раскрывать какой-нибудь новый проект.

– Я всего лишь создала атмосферу.

– Это и отличает хороших исполнителей от плохих. Вы ведь вместе учитесь, на экономическом? – обратился он к сыну, не переводя на него взгляд. Девушка внимательно слушала, так же не сводя с собеседника своих бездонных глаз. Нику даже показалось, что если он не оторвется от нее сейчас же, то запросто может в них утонуть.

– Нет, па, она медик, у нас пара факультативов совпадает, – хмыкнул Грэг. Он уже как-то говорил об Энн своему отцу, но тот, видимо, не слушал его как класс.

– И почему выбор пал на такую серьезную специальность? – поинтересовался Ник. Ее глаза затягивали его все глубже, чарующий голос говорил только для него:

– Изучение медицины дает возможность заглянуть в суть человека с его самой материальной точки зрения, – хищно, но достаточно мило улыбнулась она.

Девушка смотрела только на него и никто другой не понял бы эту фразу правильно, как ни старайся. Десяток вариантов, транскрипций и расшифровок дали бы лишь подобие истинного смысла. А сама истина ускользнула бы в момент. Ник это оценил. Да, внутренний мир – это не всегда душа, есть еще и кишки. Мило.

– Достаточно цинично для столь юной леди, – хмыкнул в ответ Хант.

Вдруг Энн лукаво улыбнулась и совершенно буднично, уже для всех, отчего контраст отпечатался в его памяти еще явственней, продолжила. – Ладно, ребята, я пойду, у нас там девичник намечается... Ник, до свидания, было очень приятно познакомиться. Грэг, до следующего семестра. Хорошо отдохнуть! – еще раз улыбнулась она собеседникам, изящно развернулась и удалилась прочь.

Мужчины задумчиво проводили глазами странное создание. Чуть поодаль Энн присоединилась к своим подругам и, весело о чем-то перешептываясь, они втроем скрылись из виду. Первым очнулся Ник.

– Своеобразно, – сделал он заключение. Грэг все еще витал где-то вдалеке, смотря вслед растворяющимся в темноте силуэтам. – Э, слюнявчик дать? – пихнул его в бок отец.

– Что, а?.. Нет, нет... – смутился парень, дернув плечом.

– И чего ты ждешь, если она тебе так нравится? – недоумевал заботливый родитель.

– А кому не нравится... – хмуро признался Грэг, – все, поехали, я еще не собрал чемодан, – обошел он машину сзади и сел, Ник выкинул дотлевший окурок, запрыгнул на соседнее сиденье, захлопнув за собой дверцу.

– Дэн, гони домой, – и колеса плавно зашуршали по ночному асфальту.

В этот день Энн с подругами должна была идти на вечеринку в честь окончания первой экзаменационной сессии но, сославшись на усталость (что было совсем нетрудно – выглядела она теперь крайне вяло, будто эта благотворительность высосала из нее все соки), отправилась домой.

Энн Логан, Элизабет фон Берг и Кэтрин о'Доннел снимали второй этаж небольшого симпатичного домика недалеко от университетского городка. На первом жило еще несколько

ребят со старших курсов медицинского факультета и один океанограф, также с первого. Это были тихие парни, и они подбирали себе тихих соседей. В прошлом году второй этаж полностью принадлежал выпускникам, и пришлось хорошенько потрудиться, чтобы отмыть его от прощальных вечеринок. Это было единственной причиной, по которой старшекурсники не переехали повыше. Кто был хозяином дома, никто уже толком и не помнил- деньги просто собирались со всех жильцов и в срок отправлялись на какой-то заграничный счет.

Элизабет с Кэтрин решили оторваться перед отъездом в родные пенаты и хорошенько нагуляться перед семейными празднествами. Энн же никуда не собиралась в этом году. Переодевшись, она безмолвно села на диван перед телевизором и начала монотонно переключать каналы. Рядышком срочно примостился белый котенок с черной лапкой и начал усиленно намуркивать только ему известную мелодию. Энн погладила его немного, однако, не найдя ничего приличного на экране, решила оставить телевизор коту, а сама пошла в свою комнату, удобно устроилась в любимом кресле и взялась за учебник. Но буквы теряли смысл, расплывались, становясь переплетением неясных символов, сливавшихся в отпечаток образа лица человека, только что вошедшего в ее жизнь, так просто и бесцеремонно. Она медленно провела ладонью по странице, будто оттуда на самом деле на нее смотрел Ник Хант. Рука до сих пор ощущала тепло его прикосновения. Такой родной и такой далекий одновременно... «Ник» – прошептала она про себя. Сколько воли потребовалось ей на той аллее, чтобы оторвать взгляд от его глаз, ничем не выдать волнение- ни словом, ни движением, вырваться из его магнитного поля и наконец доплестись до дома. Она начала всматриваться в свою правую руку, туда, где оставил след своего поцелуя этот мужчина, поднесла кисть ближе к лицу, словно пьяная втянула неуловимый запах его губ.

– «Неужели это оно!» – ее мысли крутились вокруг головы, больно давя и ударяясь друг о друга. Его образ отпечатался в уме с такой четкостью, что она могла осмотреть его со всех сторон, отчетливо видя каждую морщинку у глаз и волоски разноцветной щетины на щеках... на ее лице начала вырисовываться мечтательная улыбка... на секунду придя в себя Энн резко одернула руку, захлопнула учебник.-«Твою ж мать...!»

Она встала, направилась в ванную, на ходу скидывая с себя одежду, зашла в душ, набрала в легкие воздуха, перевела рычаг на холодную воду и потянула вверх. Ледяная струя обожгла ее темя, сердце перехватило на мгновение, но Энн уперлась ногами в землю и с силой, медленно выдохнула вниз.

Она делала так, когда паника, страх либо другие бесполезные эмоции затмевали ее разум. (Если не было возможности намочить голову- струя направлялась на самый выпуклый шейный позвонок (CVII). Со временем все меньше и меньше ситуаций могло спровоцировать столь бурную реакцию, и просто выдыхая вниз, а точнее- в землю всю тяжесть, (не пол под ногами, а Землю) она приходила в себя. Это очень помогало на экзаменах и в публичных докладах, при общении с людьми на порядок выше ее статусом. Но сегодня ничего не помогло- и этот вечер грозил переменить всю ее жизнь.

2.

Прошло безо дня две недели, заканчивалась рождественская пора, праздничные настроения постепенно сменялись обычными будничными заботами (насколько они могут быть обычными в таком месте как Майами на Рождество). Погода налаживалась- дожди поредели, кроющие небо облака дали лучам солнца прорваться на продрогшую поверхность земли.

Энн сидела в пустынной библиотеке, когда ее телефон ровно завибрировал по поверхности стола.

– Слушаю, – улыбнулась она. Голос с другой стороны заставил ее сердце встрепенуться.

– Энн, здравствуй, не помешал? Это Ник, Ник Хант, отец Грэгори. Мы недавно познакомились...

Энн подскочила на стуле. Тот резко шваркнул по полу, что можно было услышать через трубку.

– У Грэга все в порядке? – забеспокоилась она- нужно было срочно чем-то оправдать странный звук и нескрываемое волнение в голосе.

– Да, не переживай. Ты в городе?

– Эээ, да.

– Можем сегодня встретиться? – есть разговор.

– Ммм... до девяти я в библиотеке, потом свободна, – старалась она произнести как можно спокойнее. Для этого пришлось растягивать слова, говорить слегка нараспев, но результат ее все равно не устраивал. Хорошо хоть, он ее сейчас не видит, а телефон немного искажает звук.

– Отлично, машина будет ровно в девять, возле входа. Stanford Dr., если не ошибаюсь? Тогда до встречи, – отчеканил металлический голос и отключился.

Энн некоторое время недоуменно сидела без движения, потом посмотрела на время- до встречи оставалось несколько часов.

Последние недели она провела за учебниками- только чтобы не подпускать к себе ни единой мысли об этом человеке. И у нее получалось. На праздники ехать было особо некуда, все соседи разбежались по своим родным, так что она была одна во всем доме, конечно, если не считать котенка. Это и плюс- можно разгуливать голой по комнатам, и минус- когда извне никто не отвлекает, собственные мысли так и норовят вылезти наружу. Но ребята начали постепенно возвращаться и, учитывая, что семестр только начинался, библиотека стала самым спокойным местом обитания.

Здесь Энн боролась свой личный мыслительный поток другим- научно-познавательным и все шло вполне себе гладко. До этой вот самой злосчастной минуты.

Худшим вариантом было бы гадать, для чего Ник хочет ее увидеть, поэтому Энн отложила учебники, села прямо, заплела волосы в косу, закрыла глаза и несколько раз низом живота глубоко вдохнула в легкие самый свежий библиотечный воздух, который только могла себе вообразить. Сердце постепенно приходило в норму, она открыла глаза, поставила на телефоне будильник, чтобы не отвлекаться на время, и снова взялась за книги.

У Энн был особый интерес в этой жизни- она отмечала в людях то, чего не видели другие- малейшие жесты, мимику, любые отражения эмоций, тембр, тон, мимолетные фразы, градус наклона головы, улыбки, смех, походка, поза, пульсацию крови в венах, изменения в температуре тела, запах и состояние кожи- все эти элементы складывались для нее в некое подобие схемы, дававшей наиболее полное представление о человеке. И чем больше опыта общения с разномастными людьми она приобретала, тем точнее становились ее оценки. Далее, тщательно отработав все возможные физические признаки и их соединения, она начала подмечать другие- более легковесные. Все ее схемы на самом деле были уже наклепаны на самих людей- образами, мыслями и колышущимися соцветиями вокруг них. Все это вместе и было тем самым нутром, настоящей личностью человека. Но так трудно было зачастую поверить, что где-то там, под всей этой разноцветной пылью скрывается душа.

Тонированный джип прибыл ровно в срок. Водитель, молодой парень с отстраненным взглядом ждал снаружи, чтобы открыть ей заднюю дверцу. Энн посмотрела на него слегка раскосо и увидела, как семейные неурядицы с юной женой забирают у него массу сил. В его пасмурной ауре, в районе солнечного сплетения имелась темная дыра, такие оставляют своим родителям новорожденные дети. Парень и сейчас продолжал мысленный диа-

лог с супругой, ожесточенно доказывая ей свою позицию в каком-то бессмысленном споре. В Нике же он видел идеал, человека, лишенного его проблем и старался подражать своему работодателю во всем: постепенно перенимая его манеру общения, мимику и даже жизненные взгляды, но выходило так себе.

Дэн захлопнул за своим пассажиром дверцу и, продолжая думать о своем, плюхнулся за руль. Ника внутри не оказалось. Энн не стала задавать вопросов.

Энн сидела на кожаном кресле, на том самом месте, где обычно сидел Он. Рядом валялась утренняя газета, которую он читал по пути в офис. Она попробовала приоткрыть окошко, но машина была бронированная. Она провела ладонью по теплой спинке кресла. Легкий аромат его одеколona и сдержанность мыслей царили здесь. «Так бы тут и осталась» – думала Энн, блаженно прикрыв глаза, наслаждаясь дивной атмосферой замкнутого пространства, но умиротворительный экстаз продолжался не так долго, как ей хотелось бы: скоро ворота открылись и машина, шурша белым щебнем, припарковалась на широкой площадке у дома.

Она никогда не была у Грэгори Ханта в гостях. Он и сам не любил здесь появляться: лет с десяти ездил по частным школам и отдыхал в чужих столицах, лишь изредка являясь на родной порог, где его особо никто и не ждал. В этом они были похожи. Так что друзей он предпочитал водить по чужим вечеринкам. Странно, что он не уехал учиться на другой конец страны, да хоть в Австралию к родителям своих родителей, или даже в Европу – ресурсы позволяли.

Обширная территория с видом на океан, огромным бассейном, живыми изгородями и белым камнем – чисто, дорого, красиво. Идеальное место для проведения затяжных суарэ. Но сквозь все это великолепие проглядывала тоска по прошлому. Тут и там виднелись поблекшие призраки семейственности, тепла и домашнего уюта. Где раньше могли затеряться детские игрушки – сейчас бы валялись пестрые коктейльные зонтики вперемешку с полуголыми моделями.

Скоро навстречу прибывшей машине вышел и сам хозяин. Увидев девушку в дырявых джинсах, с книгами наперевес, с волосами, заплетенными в косу, он хмыкнул и жестом пригласил ее внутрь.

– Всё учимся).

Зайдя в дом Энн поняла, от чего конкретно бежал Грэг: просторное помещение с высокими потолками, от которого во все стороны отходили лестницы и двери, по задумке дизайнера должно было создавать своеобразное ощущение уюта – деревянные балки в сочетании с побеленной кирпичной кладкой, шершавая плитка, камин, разномастные шкуры и другие охотничьи трофеи большой африканской пятерки¹, мебель ручной работы из темного дерева...

Однако камин не грел – наверное, благодаря слишком уж качественной вытяжке, мебель колониального стиля была выполнена настолько добротно, что от каждой вещи слышался тихий шепот мыслей мастеров ее создавших. Еще было жутковатое ощущение, что «пятеркой» там все не ограничилось и где-то в потаенном месте, чтобы не у всех на виду, прятался загнанный номер «шесть»². С лестниц и многочисленных дверей продувало темный пол, балки начинали давить, а кирпичи будто потрескались не по задумке дизайнера, а от усталости навалившегося на них груза. Энн подняла голову, в надежде застать под потолком парочку уютно сопящих летучих мышей.

¹ традиционное название пяти видов млекопитающих, являющихся наиболее почётными трофеями африканских охотничьих сафари: слон; носорог (оба африканских вида – чёрный и белый); буйвол; лев; леопард.

² Человек, «скелет в шкафу»

В центре, ближе к камину, стоял стеклянный журнальный столик с коваными ножками, окруженный тройкой темных кожаных диванов. Под прозрачной столешницей просматривалась кipa Forbes, пара изданий с фотографиями яхт и дорогих автомобилей на обложках.

– Присаживайся.– Энн села на один из диванов. Ник подошел к бару. Он был одет в строгую рубашку и такого же покроя брюки, как и в прошлый раз, все черное, немного мягкое, пыльное и при этом очень дорогое. Но ее больше интересовали глаза. И этот голос. Шикарный бронзовый голос.

– Напитки какой страны предпочитаешь в это время суток?³ – хозяин обвел рукой ряды бутылок и графинов с разноцветными жидкостями внутри. Энн на секунду задумалась, но потом коротко кивнула:

– На Ваш выбор.– Как хорошо было снова смотреть на эти отточенные движения! Вот он поднимает руку, откупоривает графин, янтарная струя жадно наполняет прозрачный бокал... Простое и одновременно завораживающее зрелище. И только для нее одной!

Ник разлил понемногу в оба бокала, подошел, подал ей, поднял свой.

– Будем...

Девушка сделала небольшой глоток и чуть закашлялась, глаза налились слезами. Он с интересом наблюдал, заулыбался и плюхнулся на противоположный диван.

– Хм, тяжело с непривычки? Попробуй сначала ощутить аромат...

– Вы ведь меня не за этим сюда пригласили? – с трудом выдохнула Энн, отставив напиток подальше.

– Только давай на ты, ладно? Похоже, хозяина совсем не смущала попытка напоить несовершеннолетнюю.

– Договорились. Так в чем дело? – У Ханта был деловой тон и Энн решила, что стоит поддержать его манеру общения. Он же продолжал изучать ее взглядом прищуренных глаз.

– У меня есть к тебе одно предложение... Я улетаю, в Африку, по работе, и эта поездка может затянуться. Три месяца, полгода, год- неясно.. Не хотелось бы оставлять Грэга без присмотра, а ты вроде хорошая девушка. Я видел, как он на тебя смотрит и, как мне показалось, ты единственная из всех его знакомых, кто может хоть как-то повлиять на него, так вот..

По мере того как он говорил, у Энн все обрывалось внутри. Ощущение было такое, будто у нее рывком выдернули сердце, затем с силой затолкали обратно и оставили медленно стекать по отмирающим внутренностям. Чтобы сохранить лицо и не выдать себя, ей пришлось отбросить мысли и молниеносно перестроиться, оставив тело каменным изваянием сидеть на диване, а самой выйти смотреть на окружающую панораму слегка сверху, став на время отчужденным наблюдателем. Она никогда раньше не проделывала этот фокус вот так сразу, но адреналин, кортизол, или еще какое вещество в крови, просто зашкаливал, и все получилось с одного вдоха. Это должно было помочь не расплакаться. «Только не забывай дышать: живот, солнечное сплетение, грудная клетка вверх, грудная клетка, солнце, живот вниз, отлично, теперь на автомате...» – шептала она про себя как заклинание...

– ..может, побудешь это время с ним... я заплачу. Если не готова ответить сейчас, могу дать время подумать до завтрашнего вечера. Потом улетаю. Что скажешь,.. Энн?

Мозг отказывался воспринимать происходящее. Наконец она на пару секунд прервала дыхание, вернулась в себя и выговорила:

– Это все? – ее голос был настолько холоден, что Хант непроизвольно содрогнулся. После некоторой паузы, убедившись, что Ник ее слушает, она глухо продолжила.– Грэг умный парень и сам может о себе позаботиться. А этот разговор останется между нами, но только из уважения к нему, – и приготовилась уже вставать...

³ «Вино какой страны вы предпочитаете в это время суток?» цитата Воланда из « Мастера и Маргариты» М. Булгакова

– Извини, если обидел, – даже слегка смутился хозяин. Он не привык, чтобы ему отказывали. Особенно женщины, особенно молодые, и особенно, когда тем предлагали деньги. В результате чего извинение прозвучало слегка неестественно. Но только из-за недостатка практики. Девушка пристально смотрела на него пару секунд.

– Принимается, – решила не копаться в дебрях его души Энн и, уже стоя опрокинула в себя остатки янтарной жидкости. Затем звонко поставила бокал на стол, переведя на хозяина слегка помутневший взгляд, моргнула немного медленнее обычного.

Кадр сменился, она опустила глаза на Ника и снова могла видеть в нем человека, даже тень воспоминания о тепле которого так грела ее душу последние недели. Он же смотрел на нее с некоторой неловкостью, смущаясь от самого этого явления. Энн выдохнула, плавно подошла к нему и уткнулась коленями в диван между его ног. Это было настолько неожиданно, что он только вопросительно поднял на нее глаза, забыв о цели своего разговора.

– Сядь поближе, я кое-что сделаю, – произнесла она тоном, не предполагающим отказа. Он опешил от такой разительной перемены, не смея оторвать от нее взгляд, да и зачем? – выпрямился, сам удивляясь своей покорности, и придвинулся к краю дивана, так, что его голова оказалась на уровне ее груди.

– Закрой глаза.

Он закрыл.

Она уверенным движением обхватила его голову руками на уровне висков, проводя пальцами между волос. Теперь он бы и сам закрыл глаза, таким простым и приятным был этот жест.

– У тебя постоянно болит голова. Лекарства ты, как я понимаю, не признаешь, а спиртное особо не помогает, скорее, притупляет все чувства разом. Уедешь в теплый влажный климат- будет еще хуже, сухой- немного лучше, но от перепадов температур все равно начнет сильно скакать давление- монотонно рассуждала она вслух, – я немного подправляю.– Энн опустила свой лоб ему на темя и тоже закрывала глаза. Он и не думал пошевелиться. Что-то волшебное происходило вокруг. Через 30 секунд их дыхания слились в одно, сердца отсчитывали удары в едином ритме.

Он уже и забыл, как эта боль вливается в его мозг, ежесекундно раскалываясь на тысячи тончайших осколков. Сейчас же ничто не отвлекало его от этих ощущений- мысли ушли, внешние шумы приглушились, будто в ушах была пробка, свет не проникал сквозь закрытые веки, тонкий запах женской кожи нежно ласкал обонятельные рецепторы. Тело расслабилось и успокоилось, дав голове насладиться всей полнотой болевых ощущений. Но эта боль была четко ограничена данным ей пространством, которое держали под контролем хрупкие руки.

Энн начала постепенно сдавливать голову ладонями, мягко, но целенаправленно создавая нужное давление в черепной коробке. Когда руки уже не могли более выдерживать напряжения, она скользнула ими вверх, глухо хлопнув основаниями ладоней. Затем быстро положила их в изначальное положение, приложила к темени губы и начала медленно втягивать воздух, одновременно, но уже без давления, поднимая ладони вверх. Когда они оказались на макушке, а легкие были переполнены до отказа, она стряхнула с ладоней что-то невидимое, еще пару раз провела руками по голове, ото лба к затылку, причесывая пальцами проволоку его волос, и глубоко выдохнула в землю. Затем распахнула глаза, отступив на полшага.

– Можешь открывать, – тихо прошептала она, но не для того, чтобы как можно мягче вывести Ника из его странного состояния. Нет, у нее просто не хватало сил говорить в полный голос. А еще нужно было удержаться на ногах.

Хант медленно открыл глаза. Посмотрел влево, вправо, наконец перевел взгляд на нее. Картинка стала четкой, пробка в ушах исчезла, и главное- никакой боли.

Ничего не хотелось говорить. Нечего было спрашивать. Он растерялся от позабытого ощущения тишины и ясного лица напротив. Ему даже показалось, что оно обрамлено легким голубоватым свечением.

– Этого должно хватить недели на две, для акклиматизации достаточно- тихо предупредила Энн, – больше, если не будешь пить. Дальше все начнет возвращаться, но как быстро уже зависит от тебя.

Она положила левую руку ему на плечо и с нежной тоской смотря сквозь его стеклянные глаза, еще раз провела свободной ладонью по жестким волосам.

– Береги себя, – еле прошептала она на прощание, прикоснулась губами ко лбу, вдохнула запах, чтобы запомнить, с трудом оторвалась и взглянула в последний раз, – тебе лучше посидеть немного, я сама найду выход.

Взяла его бокал, демонстративно осушила одним глотком, глухо поставила на стол, развернулась, подобрала с дивана сумку с книгами и ушла, аккуратно ступая по взбесновавшемуся полу. Голова нещадно кружилась, стены с мрачным гулом пытались дотянуться до ее тела. Первый же шаг вне дома принес некоторое облегчение. Прохладный ветерок предусмотрительно окатил Энн своим порывом. Никогда еще она не была ему так благодарна.

Ник так и остался сидеть. Он даже не пытался встать. Образ этой хрупкой девочки, ее огромные дымчатые глаза, нежные и одновременно сильные руки... Он был очарован, и это ощущение захватило его, как теплое течение принимает в свои объятия и несет вдаль, далеко-далеко, как только пожелаешь. Но эти глаза... Теперь они будут приходить к нему во снах.

Энн уже скрылась за воротами, когда Ханта пробудил телефонный звонок. Из трубки доносилась громкая музыка и веселый, пропитанный дорогим алкоголем голос почти прокричал:

– Эй, брат, ты скоро? У нас тут новая кровь, тест-драйв до утра, ждем только тебя! И давай быстрее- абсент стынет!!!

– Уже еду.– Ник удивился, услышав звучание своего голоса без шума той боли, к которой так привык, что даже уже не мог припомнить, когда она началась, поднялся, вышел на улицу. Машина стояла на месте.

– Дэн, заводи мотор, едем в клуб.

3.

Энн вышла за ворота. Солнце еще не хотело садиться, но что-то явно тянуло его ко сну, и напоследок оно решило побаловать зрителей золотым фейерверком на рассыпчатой листве.

Энн еще с детства начала наблюдать людские души, позже, совсем недавно, при должной концентрации у нее начало получаться просматривать насквозь физические тела. Она училась видеть изъяны в структурах, узнавая, что они обозначают, набирала опыт, приводивший к образованию новой части видения и теперь умела диагностировать некоторые заболевания или беременность на ранних стадиях, пока сами люди еще и не предполагали об их наличии. Она могла бы стать уже теперь отличным психоаналитиком, видя, откуда берут начало душевные и физические болезни. А теперь училась лечить.

Самыми простыми задачами стали временное снятие головной боли и понижение давления. Самой сложной, практически невозможной задачей, почему-то оказалось справиться с обычной простудой. Посидев пару вечеров в полном затворничестве, она максимально разобралась в этом вопросе и решила для себя, что легче будет научиться лечить рак (это было ее детской мечтой), а кашель с насморком оставить на расправу антибиотикам.

Дорога мягко текла под ее стопами, а улочки в сиянии солнца начинали отливать бронзой, медью и, наконец, горячим шоколадом, местами вспыхивая огнями уличных фонарей и фар. Прохладный ветерок омывал лицо. Энн расплела волосы- испытание силой осталось позади. Струи звенящей тяжелой энергии потекли вниз, становилось легче.

Мимо прошмыгнул черный тонированный джип, встрепенув пряди ее волос. Ник не увидел девушку, медленно идущую по дороге из его дома, ему было слишком хорошо, чтобы просто смотреть. Сейчас он чувствовал. Ветер, запахи, настроение улиц... все было свежо и ново, как в детстве.

Еще в детском саду, если кто-то из сверстников ушибал коленку на игровой площадке, случайно вгонял в нежную ручку кусачую щепку или набивал шишку, незамедлительно начиная реветь, Энн прикладывала к ранке руку и та заживала быстрее. Определившись с местом учебы (медицина как возможность целительства и сфера ее будущей деятельности никогда не вызывала сомнений ни у нее, ни даже у ее родных), чтобы набраться практического опыта, она начала брать пациентов: ходила по поликлиникам, домам престарелых, помогала ветеринарам умирять животных... и постепенно ее имя стало обрастать молвой. Люди звонили и приходили с просьбами, услышав о ее дарах от восторженных соседей, знакомых, коллег. Тут-то и настала пора переезжать. Но молва настигла ее и в новом городе- мужчины и женщины вновь начали приходиться с просьбами о помощи, приносили деньги, подарки: корзины с фруктами и сырами, свежую выпечку, букеты, сигары и один раз даже симпатичного белоснежного котенка с черной лапкой, который теперь вальяжно разгуливая по этажам ее нового жилища, окутанный всеобщей любовью и заботой.

Машина остановилась у входа в клуб. Ник зашел внутрь. Пока он пробирался сквозь гул музыки и лоснящихся тел, нехотя со всеми здороваясь, охранник предупредил кого-то по рации о его появлении, и тут началось...

Откуда-то на него налетели света прожекторов и заводной голос у ди-джейского пульта объявил:

– А вот и наш герой! Встречайте, Ник Хант, создатель и покровитель этого прекрасного места! Завтра он улетает в дикие края, где нет благородных напитков и красивых женщин! Так давайте устроим ему достойные проводы, толкайте его на сцену! Шампанского за каждый стол!

Со всех сторон взорвалась музыка. И тут началось безумие.

***Poppin bottles in the ice, like a blizzard
When we drink we do it right gettin slizzard...***

Энн помогала природа. Полчаса в правильном взаимодействии хотя бы с одним из ее компонентов, и голова переставала кружиться, организм приходил в норму, настраиваясь на зарядку свободной энергией пространства, в безграничных объемах витающей вокруг. А до дома было еще часов пять ходу. Сейчас бы пройти босиком...

***Sippin sizzurp in my ride, in my ride, like Three 6
Now I'm feelin so fly like a G6
Like a G6, Like a G6...***

Толпа рук загнала Ханта наверх, где уже вибрировала музыка. С разных углов сцены выпрыгнули полуодетые женщины-кошки, поочередно приближаясь и отдаляясь от ничуть не растерявшегося героя вечеринки. Они прикасались к нему, изображая страсть, похоть и преклонение, грациозно выписывая ногами фигуры в воздухе, изгибая спины, падая ниц.

Now now now now now now I'm feelin so fly like a G6

Like a G6, Like a G6

Now now now now now now I'm feelin so fly like a G6...

Энн до сих пор не верила в случившееся- Ник решил купить ее своему сыну как какую-то куклу, или няньку, или чертову сиделку?! В каком мире должен жить человек, чтобы мыслить такими категориями... Ее собственные ощущения Ника Ханта жестко противоречили услышанному сегодня. Это сбивало с толку, горечь подступала к горлу, не давая ровно дышать. Проблему нужно было решить. Срочно.

Gimme that Mo-Moet-wet

Gimme that Cri-Cristal-tal

Ladies love my style, at my table gettin wild...

А проблема состояла в том что, как бы она ни уходила от мыслей об этом мужчине, всего за пару недель, прошедших с их знакомства на аллее, без единого с его стороны жеста он стал для нее родным, на уровне, который она совершенно не контролировала. Она видела его изъяны и пороки, но это уже не имело никакого значения. Его душа была ей ближе всех остальных, когда-либо прочтенных. Удаляясь от него, она теряла саму себя, а у него, пожелай он того, была возможность ею управлять. И, хотя он об этом никогда не узнает, даже сам факт подобного явления был для нее недопустимой роскошью.

Get them bottles poppin, we get that drip and that drop

Now give me 2 more bottles cuz you know it don't stop...

...Hell Yaaa...

«Сколько его не будет? – голова снова начинала кружиться. Глубокий вдоох... – я справлюсь. Со всем справлюсь. Нельзя жить воспоминаниями. Ни о чем не жалеть. Максимальная загрузка, чтобы на свободные мысли не было ни единой секунды. Полный контроль. Концентрация, визуализация, остановка внутреннего диалога; учеба, работа, спорт... Господи, помоги мне пережить...»

Вакханалия внизу продолжалась, но слегка потрепанный Хант таки сумел поднялся наверх к Алексу. Тот уже ждал. Прикурили. Зашла вереница полуодетых девушек, выстроились в ряд в максимально привлекательных позах, стараясь угадать, кому следует понравиться больше.

Алекс пригласил Ника рукой.

– Джулия через неделю выходит замуж, это- кастинг на замену. Одна из них будет теперь у нас работать. Выбор за тобой, друг. И выбирай тщательно, как для себя, – хитро блеснул Алекс белоснежными зубами.

Дойдя до дома, Энн подобрала со ступеней оставленный кем-то горшочек с декоративными розами, поднялась на второй этаж, поздоровалась с девчонками, весело порхавшими на кухне под полуночное MTV, передала им цветы. Подруги тут же ринулись искать записку, прочли и Кэтт сразу погрузилась.

– Хотя бы раз мне кто-нибудь цветы подарил, – надула она пухлые губки.

– Ты же не любишь цветы, – заметила Элизабет, с удовольствием разглядывая новый трофей. У нее вся комната была в плюшевых мишках, зайчиках и прочих миловидных зверятах, в обилии преподносимых на пьедестал ее женственности многочисленными поклонниками, но розы тоже ничего...

– Это они меня не любят, никто меня не любит...

– Ммм, классная музыка, сделайте погромче, – на ходуотреагировала Энн...

– Я тебя люблю, дорогая моя, – Элизабет подошла к своей рыжеволосой подруге и крепко-крепко ее обняла, а потом они начали раскачиваться в такт музыке.

...Энн скинула с себя отяжелевшую сумку с книгами, на ходу, никого не замечая, разделась до белья, прошла в ванную, защелкнула хлипкий замок, завинтила пробку в раковине (руки и ноги мелко дрожали), открыла кран, собрала волосы в хвост. Когда раковина наполнилась, переключила воду на душ, посмотрелась в зеркало, обхватила ее руками, глубоко вздохнула и опустила голову в воду. Дикий, мучительный вопль воздушными пузырьками выплеснулся наружу, соединившись с воздухом окружающего пространства. Когда живот и грудная клетка напряглись до предела, выдавливая из легких последние остатки кислорода, она резко выпрямилась, вытерла лицо висевшим рядом полотенцем, еще раз посмотрелась в зеркало, подбадривающе подмигнула отражению, выключила душ, накинула халат и вышла на кухню. Элизабет и Кэтрин что-то весело обсуждали. Пахло вкусно. Белый комочек шерсти заинтересованно наблюдал за процедурой приготовления с пола, то и дело лоя розовым носиком новые потоки загадочных смесей запахов, предвкушая приближающееся блаженство.

– Ммм... Что на... ужин?

– Ризотто с морепродуктами. Ты как раз вовремя. Сложный пациент? – выглядишь устало.

– Не поздновато ли для углеводов? – хмыкнула Энн, глянув на настенные часы.

– Утром Кэтрин бросил ее любимый Морган, – разъяснила Элизабет. – И все лучше, чем налегать на мороженое, а то следующего парня придется ждать еще о-очень долго...

– Ради какой-то черлидерши, – насупилась подруга, – сучка с четвертым размером! Может, мне тоже грудь увеличить? – Кэтт распрямилась, на секунду забыв о своем несчастье и начала придирчиво себя ощупывать.

– Ну, раз у нас сегодня трагедия, хорошее вино не помешает, – проигнорировала Энн риторический вопрос подруги и выудила откуда-то бутылку белого сухого (кто-то вручил ей целый ящик за очередную вылеченную мигрень). – Доставай бокалы.

– Уже.

– Морган, говоришь? Сейчас посмотрим. Фотки есть?

Кэтрин отвлеклась наконец от своей груди и резво засуетилась возле ноутбука в поисках нужной странички в интернете. Они с Элизабет теперь частенько, познакомившись с симпатичными парнями, специально их фотографировали, или даже лучше – снимали на камеру под разными миловидными предложениями, чтобы принести приобретенные материалы Энн на экспертизу. Началось это еще на первом месяце обучения с одной точной оценки понравившегося Кэтрин старшекурсника. В университетском спортзале, на игре в баскетбол, Энн с одного взгляда на предмет обожания любвеобильной подруги заверила ее, что у того слишком маленькое для нее достоинство, хотя Кэтрин, начитавшись умных журналов, где описываются подробные методики определения длины мужского органа по соотношению размеров других частей его тела, не сразу ей поверила. И не смогла успокоиться, пока не стянула со своего мимолетного избранника штаны.

Теперь подобные развлечения стали для дружной троицы чем-то вроде традиции. Нужно было только уличить время, когда у Энн было правильное настроение.

Кэтт повозила мышкой по столу, радостно вскрикнула, побежала за тарелками и они все вместе уселись за экраном в ожидании аттракциона.

Энн многое понимала, еще большее видела, однако, рассказывая об увиденном посторонним людям, приходилось учитывать особенности их восприятия, чтобы максимально точно передать картину нужными параметрами слов, т.к. слова имели привычку искажать действительность, привнося затертые временем смыслы в их истинные значения. Но чаще предпочитала смолчать: кабинет психиатра, пытающегося проанализировать начинающего

мага с позиции нормальности, стал бы для нее не самым продуктивным времяпровождением.

4.

Прозрачный балдахин развевался под легким ветерком, прикрывая от мира два обнаженных тела. Ник лежал на простынях, придерживая девушку за медленно скользящие бедра. Стройный силуэт казался не до конца разгаданным от мерцания свечей, отбрасывающих множества танцующих теней вокруг. Внутри его переполняло пламя, разливаясь от кончиков пальцев ног вплоть до солнечного сплетения, и постепенно, кубик за кубиком, отводя кровь все выше и выше по венам, но пока он еще мог сопротивляться, продолжая этим общее блаженство.

Они смотрели друг на друга и чувствовали одновременно. Огромные глаза вводили его в транс, оставляя при этом кристально трезвым. Он захотел прикоснуться к ее губам и войти как можно глубже. Она наклонилась и расслабила тело, чтобы он мог сделать с ней все что хочет. Внизу ее живота начала зарождаться яркая искра, нестерпимой волной сжимая диафрагму и вырываясь наружу невольным стоном. Он не выдержал накала, обхватил девушку рукой и перевернул на спину. Его тело двигалось четко, с определенным тактом, медленно и уверенно наращивая обороты, ее- покрылось легкой испариной, она начала извиваться под сталью его мышц, пытаясь высвободиться и одновременно удерживая его все крепче. Он входил все резче и резче, наконец дошел до предела, заставив ее содрогнуться от сладкой боли и издал животный рык.

С улицы раздалась автоматная очередь.

Ник резко поднялся с постели. Он был один. За окном еще темнело небо, керосиновая лампа еле трепыхалась на столе. Он осмотрелся по сторонам. Прозрачная ткань москитной сетки в своем мерцании давала промежуточный эффект между сном и явью, оставляя возможность, что образ той женщины скользит рядом еле заметный. Этот мягкий переход удерживал приятное тепло от случившегося в какой-то иной реальности. Однако очередь возобновилась, хоть и вдали. Ник приподнял простыню, весело чертыхнулся и пошел в импровизированный душ- лучшее из благ цивилизации, доступных в подобном захолустье. А огромные дымчатые глаза лукаво смеялись над ним.

5.

Время текло, и каждый занимался своими делами: Ник прокручивал какие-то непонятные операции среди пустынь; Энн с подругами усиленно училась, занималась развитием своих странных способностей, изредка позволяя девчонкам водить себя на вечеринки, после чего экспериментировала со способами очищения крови, насыщая ее полезными веществами при помощи медитаций, заговоренной воды... а потом волокла их, здоровеньких, сдавать эту самую кровь, после чего снова учила себя и их восстанавливаться, правильно и быстро насыщаясь. Наблюдала, как у Грэга начинаются романтические отношения с ее однокурсницей, красивой индианкой, немного напоминавшей внешне ее саму, и по-доброму завидовала.

А по ночам, когда все вокруг утиhalo, закрывала глаза и представляла себе Его. Это не были мечты- их она пресекала в корне. Это была концентрация на объекте. Она не знала где он, что с ним, но искала, непоколебимым намерением устремляясь в неизученное пространство Видения. Ночь за ночью она засыпала, так и не добившись никакого результата. Затем, чтобы дольше продержаться, начала перед сном принимать неудобные позы- так было сложнее уснуть. Просыпалась с затекшим телом, уставшая, но ее это не останавливало. Она принимала контрастный душ, делала зарядку и шла выполнять свои ежедневные обязанности, как и сотни других студентов. Единственное, что она знала наверняка, было намерение,

очень точно описанное в одной фразе, услышанной где-то или прочитанной когда-то: «Если сдашься, лучше не станет⁴». И, спустя некоторое время, у нее начало получаться. Правда, совсем не то, на что она рассчитывала.

Сон уже давно стал для нее отдельным видом жизнедеятельности, безграничным миром тайных правил. Она изучала его как искусство, шаг за шагом продвигаясь все дальше в непознанное. Но сейчас у нее была меркантильная цель- она слишком страстно желала увидеть, почувствовать Ника. Энн устраивала себе перепросмотры: раз за разом безэмоционально прокручивая в голове эпизоды их недолгих встреч: ощущения его прикосновений, запаха, тембра... настраивалась и, провалившись в сон, наконец начала Видеть. Это были мимолетные картинки- обычно он с кем-то говорил на закате, куда-то ехал, пил, смеялся, пару раз спал с дружелюбно предоставленными ему женщинами, снова пил и очень-очень много говорил с людьми, не вызывавшими никаких приятных чувств. Обстановка в основном была напряженная и Энн быстро выкидывало из потока. Но, несмотря на все энергозатраты, теперь она просыпалась полная сил и ее намерение продолжать только росло. День стал ожиданием ночи.

Энн повесила у себя на стене огромную географическую карту черного континента и, иногда, по-турецки скрестив ноги, усаивалась напротив, часами вглядывалась в лощеную бумагу под свет восковой свечи, пытаясь из плоскости на стене провалиться в многомерное пространство далекой суши и найти Его. Она проводила что-то вроде научных исследований, запоминая местность, которую наблюдала во снах, положения ночных светил, сторону, в которую уходил закат... Но карта оставалась картой, а пейзаж в сновидениях часто менялся, и без точного времени по обрывкам воспоминаний сложно было определить линию передвижений Ханта. Пустыня сменялась одноэтажными городами, города превращались в засушливые дороги с тлеющими кустарниками, военные машины менялись на старые ржавые посудины, несшие его и его спутников по мутной воде, жаркий день переходил в лютую ночь. Редкий кустарник, снова пыльные машины, звуки вечернего призыва на намаз. Песок на ресницах, зубах, в волосах, отгрузка ящиков с оружием, песок белый, желтый, серый, смешанный с землей, пеплом, глиной, костями, елезеленые пальмы, вольные ветра...

Однако, разница во времени с Флоридой могла составлять от нуля до двух часов, что давало интересный момент- все, что она видела, скорее всего происходило в реальном времени или с минимальной задержкой.

По пятницам и субботам она ставила себе ночной будильник с промежутком в каждые два часа, чтобы за ночь успеть увидеть несколько долгожданных эпизодов. Теперь она могла видеть его хоть и недолго, но каждую ночь, постоянно уверяясь, что он жив. А это было главное.

Немного успокоившись, Энн задалась новой целью- теперь она решила почувствовать то, что чувствует Он. Однако была вероятность, что и Он начнет ощущать ее. Это было некорректно, но для практики, пока система не будет доведена до приемлемого совершенства- простительно. Тут-то и начались его постельные видения, где главной героиней эротических снов Ханта стала загадочная милая девушка Энн, превратившаяся в идеальную любовницу его фантазий. Но такое случалось провернуть крайне редко- часы сна у них явно не совпадали.

Вклиниться же в его сознательное тело, пока он бодрствует, было практически невозможно- всего на пару секунд ей удавалось увидеть мир его глазами, но с утра от подобных видений раскалывались виски, начала пошаливать печень и суставы. Списать такие быстрые изменения в состоянии здоровья на возраст, обильное употребление алкоголя или генетику не было шансов. Как это могло повлиять на самого Ника, она даже боялась предположить,

⁴ Майк Тайсон

поэтому быстро завязала с эмоциональными выходами, ограничившись теперь уже обыденной проверкой, «все ли у него в порядке». А вот Хант теперь с удовольствием погружался в сон, чтобы почувствовать, хоть и изредка, сладкую истому призрачной страсти.

Прошла зима, затем весна, начиналось лето, а с ним и пора экзаменов вперемешку с бурными пляжными вечеринками. Грэг ни разу не упоминал об отце при Энн. А она ничего не спрашивала.

На одну из таких ночных пьянок, после полутора часов сопротивления, Энн затащили ее подруги.

Еще через несколько часов безудержного веселья кого-то чуть не вырвало ей на колени. Это послужило достаточным поводом вырваться к воде, где было немного тише. Как бы там ни было, соленая океаническая бездна многих заставляла побаиваться своей темной толщи, которая будто только уплотнялась с приходом сумерек.

Энн попрощалась со всеми и с облегчением пошла вдоль кромки по сырому песку, по-кошачьи вжимаясь пальцами в россыпь песчинок, и каждые несколько шагов ее ноги омывали прохладные волны. Шла она долго- North Atlantic Blwd сменился North Atlantic Beach Blwd и S Fort Lauderdale Blwd.

А где-то вдалеке, под огромными звездами, Ник Хант смотрел, как у костра вело свой танец неизвестное племя. Полуголые люди в радужной раскраске по всему телу кружились и прыгали, поднимая песочный покров, преклонялись и восхваляли неведомых богов, а перья, кости и ткани колыхались под бой барабанов и обрядные вопли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.